

вопросов, так как он касается значимых изменений, происходящих в развитии коммуникаций и культуры в целом.

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М. : Акад. проект, 2005. 496 с.
2. Орехов С. И. Поиск виртуальной реальности : моногр. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. 184 с.
3. Максименко Л. А. Орехов о виртуальной реальности: актуальная повестка // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (22). С. 18–22.
4. Горнова Г. В. НОМО URBANUS: Антиномии и конфликты городской жизни в типах горожан : моногр. Омск : Амфора, 2011. 124 с.
5. Захарова С. В. Виртуальная реальность в смыслах и значениях языка // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 29 (167). Философия. Социология. Культурология. Вып. 13. С. 5–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-i-smyslah-i-znacheniyah-yazyka> (дата обращения: 22.11.2018).
6. Пастухова Е. В. Типы чтения и уровневая организация языковой личности // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 42–45.

УДК 101.9

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-49-53

ФИЛОСОФ Ф. А. СТЕПУН И СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА В 1917–1922 годах

В статье исследуются взаимоотношения видного философа русского зарубежья Федора Августовича Степуна (1884–1965) с советской властью. В годы Гражданской войны он работал руководителем Государственного показательного театра. Проведенное исследование позволило выявить, что Степун, анализируя большевизм и ленинизм как национальные явления, не принял их. В то же время он был противником белого движения, поскольку понял, что, воюя с большевиками, он будет воевать с народом, в массе своей воспринявшим марксистские идеи в интерпретации Ленина. Не желая эмигрировать, он все же был вынужден вместе с другими мыслителями покинуть навсегда Родину на знаменитом «философском пароходе».

Ключевые слова: мировоззрение, марксизм, большевизм, ленинизм, «философский пароход».

В годы столетия Гражданской войны 1918–1920 гг. есть необходимость осмысления того, как восприняли ее русские философы, каким образом строились их отношения с новой советской властью и чиновниками. Одним из примеров этих взаимоотношений может послужить жизнь и философская деятельность яркого и талантливого русского философа Федора Августовича Степуна. Вся биография Степуна и в особенности его поступки в годы Гражданской войны, его взаимоотношения с советской номенклатурой характеризуют философа как храброго человека, отстаивающего не только свою офицерскую честь, но и человеческое достоинство.

7. Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2018. № 1. С. 54–79.

8. Шаховский В. И. Эмоции. Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М. : Либроком, 2016. 128 с.

9. Ионова С. В. Эмотивная лингвистика: от глубин слова к широте социальных коммуникаций // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмоциональной лингвистике : сб. науч. тр., посвящ. 75-летию проф. В. И. Шаховского. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2013. С. 9–12.

10. Эмотивная лингвозкология в современном коммуникативном пространстве : моногр. / науч. ред. проф. В. И. Шаховский ; отв. ред. проф. Н. Н. Панченко ; редкол.: Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с.

11. Кондина А. С., Пастухова Е. В. Проявление эмоционального интеллекта как существенный признак нарративизации вторичной языковой личности // Верхневолж. филол. вестн. 2019. № 2 (17). С. 156–166.

© Пастухова Е. В., 2019

В. Н. Пинчук

V. N. Pinchuk

PHILOSOPHER F. A. STEPUN AND THE SOVIET NOMENCLATURE IN 1917–1922

The article considers relationship of a prominent Russian community's philosopher Fyodor Avgustovich Stepun (1884–1965) with the Soviet Government. During the Civil war he worked as the head of the State Demonstrative Theatre. The analysis revealed Stepun's refusal of Bolshevism and Leninism. At the same time he was an opponent to the White movement because he realised that if he rebelled against the Bolsheviks he would fight against his own people who largely accepted Marxist ideology in Lenin's interpretation. Wishing to avoid emigration he was still forced to leave his homeland forever aboard the renowned "philosopher's ship".

Keywords: worldview, Marxism, Bolshevism, Leninism, "philosopher's ship".

В самом начале эмиграции, сразу же после выдворения Степуна на «философском пароходе» из Советской России, он стал осмысливать свои отношения с советской номенклатурой. Так, в первом очерке из цикла «Мысли о России», опубликованном в 1923 г. в Париже, автор отмечает, что все «годы большевистского господства» он прожил в деревне и даже голодал в зиму 1919–1920 гг., но участвовал в театральные постановки. Степун стал работать в советском

театре после того, как Троцкий освободил его от воинской повинности по просьбе Луначарского [1, с. 202].

В своих мемуарах Степун подробно рассказал о работе с народным комиссаром просвещения Луначарским, который принял философа с «напускным величием» и с «прирожденной любезностью». Степун, объяснив Луначарскому, что из-за ранения может занимать только «какую-нибудь тыловую должность», попросил назначить его литературным руководителем нового театра. К удивлению Степуна, Луначарский сразу согласился с его доводами и, побеседовав с ним на «разные литературно-философские темы», продиктовал секретарю письмо Троцкому, в котором просил военного комиссара направить Степуна в распоряжение Наркомпроса. В итоге Федора Августовича назначили «на должность идейного руководителя Государственного показательного театра» [2, с. 480–481].

Несмотря на лишения Гражданской войны, Федор Августович с большим увлечением работал в театре и даже участвовал в литературно-музыкальных вечерах, на которые приходил и Луначарский. На них нарком появлялся в шикарной меховой шубе, «полученной по ордеру». Коричневый воротник дорогой шубы хорошо гармонировал с рыжеватой головой Луначарского. Все это поднимало ему настроение и отражалось в вежливом обращении с подчиненными. Философ подчеркивает, что в разговоре наркома просвещения проявлялись «природная артистичность», толерантность и эрудированность, которыми не обладали многие чиновники Советской России [2, с. 490–491].

Как-то, при разборе пьесы Луначарского, Степун отметил, что автор, пытаясь привлечь симпатии зрителя к пролетарской женщине, невольно сам внушает уважение к ее буржуазной сопернице. Далее Степун подробно пояснил, что во время спектакля публика чувствовала с какой любовью сам автор пьесы, проповедуя свои социалистические убеждения, относится к «буржуазной прелестнице». Отвечая Степуну, Луначарский, которому Федор Августович был обязан как должностью, так и освобождением от военной службы, «не позволил себе ни малейшего комиссарского нажима на мою совесть...» (здесь и далее курсив наш. — В. П.) *Ничего подобного Геббельс никогда не позволил бы драматургу своего берлинского театра*» [2, с. 491].

В то же время Степун подмечал у Луначарского, что его терпимость и уступчивость никоим образом не влияли на его политическое поведение, и поэтому такое поведение оскорбляло его и вынуждало не встречаться после совместной работы в театре. Кроме того, Степун видел, что Луначарский игнорировал вопросы хозяйственного значения и, как почти все советские министры, интересовался «лишь идейным руководством своего министерства». Для хозяйственного руководства театром ему не доставало ни умения, ни времени. В результате не вовремя отпускались деньги на нужды театра, на топливо и зарплату актерам. Работникам театра приходилось самостоятельно добывать пропитание. С горечью Степун вспоминал: «Никогда не забуду, с каким чувством стыда, злости и страха подымался я на глазах у подкупленных милиционеров с пудом пшена и муки в чемодане вверх по откосу к дожидавшемуся меня неподалеку извозчику» [2, с. 491–492].

Федор Августович критично воспринимал советскую власть и представлял, насколько бесперспективно

долговременное сотрудничество с ней: «Мои старания зайти в тыл пролетарской культуре и создать при комиссариате народного просвещения не театр марксистской агитации, а «театр трагического действия» увенчаться успехом, конечно, не могли». Поэтому критика его постановки партийным режиссером Мейерхольдом, представителем Наркомпроса, не стала для него неожиданностью. Тот отмечал «реакционную идеологию и эклектически-упадочный репертуар» театра Степуна. По выражению философа, Мейерхольд, будучи проповедником «революционного футуризма», продемонстрировал в своей речи «кубистически-преломленную марксистскую идеологию». После выступления режиссера произошло «радикальное преобразование театра», в котором не нашлось место Степуну [2, с. 492–493].

Степун осмысливает суть большевизма, признавая «небывалый размах» этого явления. Осознавая, что Октябрьская революция является закономерным итогом всего предыдущего исторического развития России, Федор Августович испытывает «страшную тоску» по утерянной России: «Все кругом навело мысли о ней. Куда ни двинься — всюду умученные имения: зря срубленные леса, нико-го не радующие парки и пруды, ни для чего не пригодные громадные разваливающиеся дома... *а кругом равнодушная крестьянская толпа, которой еще годы и десятки лет не понять, что все это не только вражье барское богатство, но и подлинная народная культура*, и пока что в сущности единственная, что была рождена и взлелеяна на Руси» [1, с. 204].

Являясь ветераном Первой мировой войны и противником большевиков, Степун не стал участником белого движения, поскольку видел явную безнадежность избавления России от большевизма. По мнению философа, большевизм — это чисто русское явление, поскольку оно связано с бескрайними просторами России, с психологической широтой души народа и с русскими «мозгами набекрень». Кроме того, это философские взгляды Толстого (поиск правды жизни) и Достоевского (богоискательство его героев). И, подытоживая, Степун определяет, что «*большевизм — одна из глубочайших стихий русской души: не только ее болезнь и ее преступление*» [1, с. 205].

Размышляя о большевизме, Степун дает подробнейшую характеристику его вождю. Впервые он увидел Ленина в июне 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов и отметил, что Ленин производил впечатление «неладно скроенного, но крепко сшитого человека». Одевался он безвкусно и выглядел небольшим и «квадратным». Выступая перед людьми, он то надвигался на них, то отступал назад. Во время выступления он постоянно поднимал правую руку. На его лице Степун обнаружил угрюмость и желтизну. У Ленина были огромный лоб, маленькие и «глубоко сидящие» глаза и рот со злым и «брезгливо-презрительным» выражением. В целом его лицо не привлекало, а отвращало [2, с. 383].

Слушая Ленина, Степун обратил внимание на то, как тот просто излагал марксистскую теорию и свою связь с пролетариатом: «Говорил Ленин не музыкально, отрывисто, словно топором обтесывая мысль. *Преподносил он свою серьезную марксистскую ученость в лубочно-упрощенном стиле. В этом снижении теоретической идеи надо, думается, искать главную причину его неизменного успеха у масс.*

Не владея даром образной речи, Ленин говорил все же очень пластично, не теряя своеобразной убедительности даже при провозглашении явных нелепостей. Избегая всякой картинности слова, он лишь четко врезал в сознание слушателей схематический чертеж своего понимания событий. Был в его распоряжении и юмор, не тонкий, но злой. Самое же главное, что связывало Ленина с рабочей аудиторией, была непосредственная ощущаемая в нем привязанность — не любовь — к рабочему классу» [2, с. 383].

Отмечая, что Керенский в ораторской полемике с Лениным с «легкостью» разбил его «детски-примитивные положения», Степун, тем не менее, подчеркнул огромное впечатление, произведенное на депутатов съезда речью Ленина, «смысл которой заключался не в программе построения новой жизни, а в пафосе разрушения старой». Именно в стихии разрушения, по мнению Федора Августовича, пролетарский вождь не имел себе равных: «Многочисленные враги Ленина чаще всего рисуют его начетчиком марксизма, схоластом, талмудистом, не замечая того, что, кроме марксистской схоластики, в Ленине было и много бакунинской мистики разрушения. Быть может, Ленин был на Съезде единственным человеком, не боявшимся никаких последствий революции и ничего не требовавшим от нее, кроме дальнейшего углубления. Эту открытость души навстречу всем вихрям революции Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс. Не буди Ленин самой ухваткой своих выступлений того разбойничьего присви́ста, которым часто обрывается скорбная народная песнь, его марксистская идеология никогда не полонила бы русской души с такою силою, как оно, что греха таить, все же случилось» [2, с. 384].

В девятом очерке из цикла «Мысли о России» Степун еще обстоятельнее анализирует суть большевизма и ленинизма. Признавая за Лениным талант управления народом, Степун подчеркивал, что причина его влияния на массы заключалась в том, что он учитывал не интересы людей, а сам народный дух. Развивая эту мысль, Степун пояснял, что Ленин интуитивно понимал, какова роль вождя в революции. Вождь должен обязательно подчиняться народу и не бояться потакать самым варварским его побуждениям. В отличие от других революционеров, он полагал, что важнее немедленно сегодня исполнить требование бунтующей толпы, чем откладывать его на будущее. Степун, замечая у Ленина «безусловный дар теоретического анализа», одновременно видит его склонность к догматизму, поскольку «все исходные точки марксизма принимаются им на веру» и догмы экономического материализма он «утверждает и с сектантским исступлением, и с фельдфебельским изуверством» [1, с. 341–342].

Страстно изобличая других марксистов в предательстве теории Маркса, Ленин сам не находит веских аргументов, в чем его оппоненты неправы, и превращает критику своих противников в грубую брань, в которой отсутствует какая-либо психологическая достоверность. Ленин неправильно характеризует не только своих врагов в политике, но и русская история представляется ему только негативной чередой погромов, пыток и виселиц, а также постоянным подчинением народа царям, священникам, феодалам и фабрикантам. Завершая характеристику Ленина, Степун

утверждает: «Догматик и изувер, фанатик и начетчик, раб своего революционного мифа и ненавистник всех “критически мыслящих личностей”, он, несмотря на весь свой интернационализм, гораздо органичнее вписывается в духовный пейзаж исторической России, чем многие хорошо понимавшие реальные нужды России общественно-политические деятели. В душе этого вульгарного материалиста и злостного безбожника жило что-то древнерусское, что не только от Стеньки Разина, но, быть может, и от протопла Авакума» [1, с. 343–344].

Как и Степун, другой знаменитый русский философ, Николай Александрович Бердяев, почти так же представлял себе сущность Октябрьской революции и большевизма. Рассуждая на тему, как правильно соотносить мужское и женское начало в государственно-культурном творчестве наций, Бердяев объяснил разрушительный характер русской революции тем, что Россия не сумела вовремя развить в себе мужскую основу и тем самым творчески породить стихию народа. Страна постоянно ждала какого-то жениха и призывала то варяга, то «современного немца» и в результате выбрала чуждого народу Маркса. Большевизм же, по мнению Бердяева, есть «смесь подсознательного извращенного апокалипсиса с нигилистическим бунтарством» [3, с. 509].

Бердяев также подробно характеризовал личность и деятельность Ленина как главной номенклатурной фигуры Советской России. Так, в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», написанной уже в эмиграции, он отмечает: «Ленин был типически русский человек. В его характерном, выразительном лице было что-то русско-монгольское. В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе». Детализируя портрет вождя пролетарских масс, Бердяев уточняет, что Ленин стал революционным вождем и реализовал свой план по захвату власти благодаря тому, что он не являлся типичным национальным интеллигентом. По мнению философа, в Ленине сочетались черты русского интеллигентствующего верующего с чертами государственных деятелей деспотического вида, к которым относились Чернышевский, Нечаев, Ткачев, Желябов, великие князья московские и Петр Первый. Еще уникальность Ленина Бердяев видит в том, что он соединял тоталитарное революционное мировоззрение с приспособленностью к любым средствам борьбы в реальной политике. Более того, Ленин «соединял в себе простоту, прямоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти с коварством» [3, с. 95–96].

Когда до философов России дошли слухи о появлении в Германии книги Освальда Шпенглера о «близкой гибели европейской культуры», Бердяев предложил Степуну прочесть об этой книге доклад на заседании Религиозно-философской академии. Готовясь к докладу, Степун думал о судьбах Европы и России: «Вместе с болью о России (повсюду горели имения, со злобой изничтожался сельскохозяйственный инвентарь, бессмысленно вырезался племенной скот и растаскивались на топливо и сигарки бесценные библиотеки) росла в душе и тоска по

Европе». Мысленно возражая Шпенглеру, Степун не верил, что погибнет «христиански-гуманитарная культура Европы», поскольку есть Европейская Россия, с которой не справиться и большевикам. Большевизм не удручал Степуна, поскольку он не являлся для него русской разновидностью марковского социализма, а только варварским огнем, в котором сгорала всего лишь «отмолоченная солома буржуазно-социалистической идеологии». Доклад Степуна получил большое признание, объясняемое тем, что в убогой духовной жизни Советской России, испорченной марксистами, утверждавшими, что *«история начинается с организации пролетариата, а философия — с осознания им своей политической миссии»*, концепция Шпенглера привлекла российское общество новым теоретическим подходом, убедительными рассуждениями и оригинальной интерпретацией исторических фактов [2, с. 512–515].

По мнению Степуна, труд Шпенглера оказался тесно связан с философией России и с мыслями и взглядами славянофилов, Достоевского, Данилевского и Соловьева. Идеи книги так повлияли на мировоззрение интеллектуалов Москвы, что возникла необходимость выпуска сборника статей, отражающих и критикующих идеи Шпенглера. Сборник был подготовлен Степуном, Бердяевым, Франком и Букшпаном. Похвалив немецкого философа за блестящую эстетическую характеристику культурных периодов и равнодушие к судьбе европейской цивилизации, авторы сборника не одобрили его биологический подход к истории, исходя из которого Шпенглер делал вывод о предопределенности каждой культуры развиваться как растительный организм и проходить стадии подобные весне, лету, осени и зиме [2, с. 515].

С книгой известных русских философов ознакомился Ленин. 5 марта 1922 г. он написал секретное письмо в Совет народных комиссаров Горбунову, которому предложил отдать для прочтения сборник заместителю председателя ГПУ НКВД Уншлихту и посчитал книгу философов «литературным прикрытием белогвардейской организации». 15 и 17 мая в письмах к Курскому, народному комиссару юстиции, Ленин рекомендовал дополнить Уголовный кодекс РСФСР статьями о замене расстрела высылкой за границу и расстреле за неразрешенное возвращение из-за границы, в результате чего и появились в июне 1922 г. в УК РСФСР соответствующие статьи 70 и 71. В конце концов высылка состоялась и имела кодовое название «Операция». Ею руководила специальная комиссия Политбюро ЦК РКП(б), в которую вошел и видный представитель номенклатуры Каменев [4, с. 63–65].

Эта операция советской номенклатуры проходила под личным контролем Ленина, который отдал распоряжение о высылке 19 мая 1922 г. Оно было адресовано Дзержинскому: «К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим... Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. *Надо поставить дело так, чтобы этих “военных шпионов” изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу*». Другой советский вождь Троцкий, одобряя высылку, заявил: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть

было невозможно». В список высылаемых попало 197 человек, в том числе лучшие умы России и мира: Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, М. М. Новиков, П. А. Сорокин и, конечно, сам Степун, которого нацисты в 1937 г. лишили права преподавать «за жидофильство и русофильство» [5].

Перед высылкой Степун был допрошен в ЧК, где следователь задал ему вопросы о его отношении к советской власти, смертной казни и эмиграции. На первый вопрос Степун ответил, что, являясь гражданином Советского государства, относится к власти вполне законопослушно, но, будучи философом, считает «большевизм тяжелым заболеванием народной души» и желает этой душе быстрее выздороветь. По вопросу об отношении к смертной казни философ признавал ее необходимость в период революции, но был категорически против ее использования в послереволюционное время, так как нельзя превращать смертную казнь в обычный способ руководства со стороны государства. На вопрос об отношении к эмиграции Степун ответил, что всегда был против нее. Отвечая на дополнительные вопросы следователя об отношении к марксизму и о задаче интеллигенции России, Степун оценил марксизм как истинную характеристику европейского капитализма, но посчитал неприменимым это учение к России. Цель же русских интеллектуалов состоит в том, чтобы вернуть народу веру в Бога и использовать марксизм для обличения язв капитализма при строительстве гуманного социализма [2, с. 618–620].

Мужественное поведение Степуна в ЧК вполне убедительно объясняется им самим тем, что он никогда не шел на компромиссы, если ему было нужно защищать свои принципы. Так было в России, когда зрители в едином порыве встали при исполнении оркестром Интернационала и только Август Федорович с женой продолжали сидеть. Так происходило и в Германии, когда известный философ никогда не исполнял нацистского гимна [2, с. 574–575].

В списке интеллигентов, которых высылали из России, Степуна дали следующую характеристику: «Философ, мистически и эсеровски настроенный. В дни керенщины был нашим ярым, активным врагом, работая в газете правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] “Воля народа”. Керенский это отмечал и сделал его своим политическим секретарем» [5].

Подводя итоги исследования, следует отметить, что Степуна пришлось не только наблюдать видных представителей советской номенклатуры, но и работать с ними. Будучи непосредственным очевидцем выступлений Ленина, он старался всесторонне охарактеризовать большевистского вождя. Его характеристика этой личности, оказавшей огромное влияние как на историю России, так и на историю других государств, вполне сходится с мнением другого знаменитого философа русского зарубежья — Бердяева. Степун обратил внимание на то, что Ленин добился успеха у масс путем упрощения марксистской теории. Другой причиной его популярности в народе являлось постоянное стремление к разрушению царского строя. Сильной стороной вождя было и то, что он абсолютно не боялся никаких последствий революции и был способен объединяться «с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс». К основным чертам Ленина Степун относит догматизм, фанатизм, ненависть ко всем критически мыслящим личностям и интернационализм.

Характеризуя большевизм, Степун определяет его как чисто русское явление, неразрывно связанное как с «географической бескрайностью», так и с «психологической безмерностью» России. Степун видит истоки большевизма как в русской ментальности, так и в философском мировоззрении Толстого и Достоевского. Бердяев почти так же представлял себе сущность большевизма, который был основан на чуждом для России марксизме.

Степуну выпала возможность непосредственно поработать с народным комиссаром просвещения Луначарским, который был вежлив в обращении с сотрудниками и позволял себя критиковать. Более того, советский министр, в отличие от немецкого министра Геббельса, не давил на личность подчиненных. Степун обратил внимание и на то, что в речах и беседах наркома проявлялась большая, чем у других советских чиновников, терпимость к людям и «разносторонняя начитанность». В то же время Степун подмечал, что «толерантность и мягкость» Луначарского никоим образом не распространялись на его поведение в политических делах. Кроме того, Степун видел, как Луначарский не любил вести и игнорировал хозяйственные дела (в том числе несвоевременно начислял жалование сотрудникам).

Степуну пришлось столкнуться со знаменитым режиссером Мейерхольдом, представителем Наркомпроса, который обличал «реакционную идеологию и эклектически-упадочный репертуар» театра Федора Августовича. По мнению философа, Мейерхольд, являясь представителем футуризма и стремясь в своем творчестве отразить марксистскую идеологию и создать новаторский театр, поспособствовал закрытию мешавшего ему театра Степуна.

Свое отношение к большевизму, марксизму и ленинизму Степун хорошо выразил на допросах в ЧК, назвав большевизм «тяжелым заболеванием народной души», а российский марксизм-ленинизм — лживой верой, отвлекшей народ от веры в Бога и построения свободолюбивого социалистического общества. Более того, Федор Августович предвидел, что советская власть превратит смертную казнь в нормальный способ управления страной.

Высылка Степуна из России вместе с другими известными философами и яркими представителями отечественной культуры лучше всего подтверждает его философские идеи о сущности большевизма и ленинизма и объясняет, почему в нашем государстве установился со временем тоталитарный режим Сталина.

1. Степун Ф. А. Соч. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 1000 с.

2. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся / послесл. Р. Гергеля. 2-е изд., испр. СПб. : Алетей, 2000. 651 с.

3. Бердяев Н. А. Малое собр. соч. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 672 с.

4. Коган Л. А. «Выслать за границу безжалостно» (Новое об изгнании духовной элиты) // *Вопр. философии*. 1993. № 9. С. 61–84.

5. Гусяров Е. Что потеряла Россия 95 лет назад, выслан за границу образованных, мыслящих, талантливых «контрреволюционеров» // *Родина*. 2017. № 9. <https://biblionika.info/knizhnyy-dozor/dozor-cgb/3070-zhurnal-rodina-9-2017.html> (дата обращения 10.09.2019).

© Пинчук В. Н., 2019

А. Г. Степанов

A. G. Stepanov

УДК 165.19

Науч. спец. 09.00.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-53-56

СПЕЦИФИКА РАЦИОНАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО УРОВНЯ СТАНОВЛЕНИЯ КАРТИНЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проблема формирования картины социально-исторической реальности с позиций детерминации парадигмальными установками стиля мышления субъекта. Становление картины социальной истории осуществляется в установках культурно-познавательной системы. Субъективность стиля мышления предстает в виде концептуальных проектов отражения истории.

Ключевые слова: рациональность, наука, стиль мышления, субъективность.

SPECIFICITY OF RATIONAL-ANALYTICAL LEVEL OF THE PATTERN FORMATION OF SOCIO-HISTORICAL REALITY

The article deals with the problem of forming a pattern of socio-historical reality from the standpoint of its determination by the paradigmatic settings of the thinking style of the subject. The formation of the pattern of social history is carried out within the framework of the cultural and cognitive system. The subjectivity of the style of thinking appears in the form of conceptual projects of reflection of history.

Keywords: rationality, science, style of thinking, subjectivity.

В любой сфере деятельности — созидание картины социально-исторической реальности не является в этом смысле исключением — на определенном этапе развития

возникают задачи по осмыслению механизмов формирования нового знания, определению их познавательной значимости и оценке достигнутых результатов. В предельно